

Поскольку Ши Ушэ уже давно занимал пост Мастера Зала Правосудия, ученики, которые обычно беспрекословно подчинялись его приказам, в этот момент растерялись и никто из них не осмелился выступить вперед, чтобы скрутить его.

Ши Ушэ не знал, что его пинок, предназначенный Се Фу, задел и Хуа Чжао. Он помог ей подняться и снова укутал в плащ, но при этом ни разу не взглянул на неё, не сводя глаз с Се Фу, который лежал на полу, захлебываясь кровью.

Хуа Чжао находилась совсем рядом с Ши Ушэ и видела, как в уголках его губ затаилась едва заметная усмешка. Каждое его слово, каждый жест открыто провозглашали право собственности. В том, как он смотрел на Се Фу, читался явный вызов.

— Наглец! Ши Ушэ, на колени! — раздался сверху громовой голос старейшины Хунбо, пропитанный подавляющей мощью.

Только тогда Ши Ушэ бросил на Хуа Чжао успокаивающий взгляд и послушно опустился на колени.

Хуа Чжао, изнывая от боли и тревоги, покрылась холодным потом, но не могла произнести ни слова. Дальнейший ход событий был предсказуем. Ши Ушэ обвинили в многочисленных проступках, а нападение на соученика прямо в зале суда и вовсе не оставляло места для оправданий.

Три старейшины принялись допрашивать других учеников. Самой полезной оказалась Цзи Ша, которая, запинаясь, пролепетала:

— Второй старший брат... он... он защищал нас, поэтому мы... и попали под влияние... демона сердца! Он... он не был... в здравом уме!

Старейшина Хунбо лично спустился со своего места, направил духовную силу на духовную платформу Ши Ушэ и, помолчав, произнес:

— Действительно, чувствуется осквернение демонической энергией.

Хуа Чжао, у которой от беспокойства уже начала раскалываться голова, услышав это, дважды моргнула и почувствовала, как всё напряжение покинуло её тело. Зря она только волновалась! Какое еще осквернение у Ши Ушэ?

Вскоре она увидела, как спустился Мастер Зала Правосудия — человек, внушавший всем трепет. Ему было около тридцати лет, глубокие морщины на лбу напоминали горные ущелья, а лицо излучало суровую решимость. Повторив действия старейшины Хунбо, он влил духовную силу в платформу Ши Ушэ и мрачно произнес:

— Нужно как можно скорее установить массив для изгнания скверны!

Хуа Чжао была готова лечь на пол от бессилия. Эти старики явно сговорились, чтобы выгородить его: стоило лишь подтвердить, что Ши Ушэ был осквернен, как все его действия обретали оправдание.

Се Фу, которого ученики подняли с пола, не сводил глаз со спины Ши Ушэ. Его взгляд был настолько ядовитым, что, казалось, мог прожечь дыру. Он просчитался.

В итоге, после того как заслуги и проступки были взвешены, Ши Ушэ временно отстранили от должности Мастера Зала. Поскольку причиной его действий признали помрачение рассудка, вызванное демонической скверной, телесное наказание отменили, решив сначала провести ритуал очищения. Однако за нападение на соученика его приговорили к полугодовому заточению на Пике Раскаяния после завершения всех процедур.

Только сейчас Хуа Чжао поняла, почему Ши Ушэ просил её не волноваться — он явно заранее отправил весточку старейшинам и договорился с ними. Кто сказал, что в книгах пишут правду? Разве может человек после перерождения внезапно стать гением интриг, если в прошлой жизни не блистал умом? Нет. Если мозгов недостаточно, то и десяток перерождений не поможет.

Хуа Чжао невольно коснулась головы. Похоже, у неё самой с этим были проблемы... Интересно, сможет ли её отец сварить пилюлю для ума?

Она оглянулась на Се Фу, который с трудом сохранял маску невозмутимости, и почувствовала злорадство. Удар в грудь был не из легких — она видела, что Ши Ушэ вложил в него как минимум семь-восемь частей своей силы. Се Фу был мастером интриг, но против грубой силы бессилён. В этой партии победил Ши Ушэ.

Хуа Чжао вдруг захотелось леденцов или хотя бы семечек. Но она всё же не понимала: если учитель хотел защитить своего второго ученика, зачем было запрещать ей говорить?

Когда ученики разошлись, а Се Фу отправили в Медицинский павильон, Хуа Чжао подошла к старейшине Хунбо и, скривившись, указала на свой рот. Старейшина взмахнул рукой, и Хуа Чжао почувствовала, как горло освободилось.

— Учитель! — воскликнула она, обретя голос, и тут же принялась защищать Ши Ушэ.

Но тут со своего места неспешно спустилась старейшина Шуйюэ. Она была культиватором на второй ступени Зарождающейся Души, на поясе у неё висел длинный клинок, а каждое движение было резким и четким. Большинство мастеров клинка отличались вспыльчивым нравом, и у старейшины Шуйюэ мягким было только имя. Даже внешне она напоминала не небожительницу, а решительную женщину-генерала.

Раньше Хуа Чжао побаивалась её и сторонилась, но, вспомнив, как та погибла в прошлой жизни, почувствовала укол совести. Старейшина Шуйюэ подошла к ней, окинула острым, как

лезвие, взглядом и, не церемонясь, дернула за край плаща. Увидев следы на шее девушки, она нахмурилась:

— Твоего отца нет в секте, но ты должна знать, что такое чувство собственного достоинства!

Хуа Чжао промолчала.

Старейшина влила в её тело поток духовной силы. Хуа Чжао почувствовала легкость, а когда теплая, мощная энергия отступила, старейшина, нахмурившись так, что между бровей можно было раздавить муху, развернулась и ушла.

Вся усталость и боль исчезли, а следы на теле — Хуа Чжао не видела их, но чувствовала — тоже растворились. Она хотела поблагодарить старейшину, зная, что за суровостью скрывается чистое сердце, но та, обладая силой Зарождающейся Души, уже скрылась из виду.

— Старейшина Шуйюэ желала тебе добра, просто у неё такой характер, не бери в голову, — сказал старейшина Хунбо. — Я знаю, что ты питаешь теплые чувства к Се Фу и сейчас ненавидишь второго брата. Но он не тот человек, который стал бы совершать низкие поступки. Я запретил тебе говорить в зале, чтобы ты, поддавшись эмоциям, не натворила бед. Идем со мной, расскажи всё как есть.

Старейшина потрепал её по голове, вливая теплую энергию, и посмотрел с прежней любовью.

— Дачжуан, не бойся. Если второй брат действительно тебя обидел, я лично покараю его.

Хуа Чжао, чьи чувства были смешанными из-за пережитого дня, вдруг почувствовала, как всё её смятение превратилось в прах от одного этого имени.

— Учитель! — возмутилась она. — Я же просила не называть меня Дачжуан! Какая приличная девушка носит такое имя?

— Это имя дал тебе отец, вложив в него все свои надежды, — старейшина не обратил внимания на её протест и погладил бороду. — А по-моему, очень хорошее имя.

Хуа Чжао задыхнулась от возмущения, и её лицо, до того бледное, вспыхнуло румянцем. В прошлой жизни у неё были непростые отношения с отцом. Хуа Лянмин был человеком несерьезным, настоящим повесой, выросшим в роскоши. Он вечно ходил растрепанным, с веером в руках, и из-за его красоты женщины вечно теряли голову, устраивая в секте переполох. Хуа Чжао, которая всегда держалась как истинная небожительница, ужасно стыдилась такого отца и постоянно выпроваживала его из секты.

Но сейчас, глядя на старейшину, она вдруг почувствовала, как к горлу подступил ком. Она прыснула со смеху. Как же хорошо, что она переродилась, и отец ещё жив! Она больше не ненавидела имя Дачжуан.

Старейшина Хунбо схватил её за руку, и они в мгновение ока переместились в его Двор Бэйхун. У каждого старейшины здесь было свое пространство, созданное по их вкусу. Старейшина Хунбо, потерявший всех родных, тосковал по земной жизни, поэтому внутри его пространства всё выглядело как обычная деревня: горы, ручьи и дым над крышами домов.

Он подвел её к маленькому дворику, сел и вытащил из колодца корзину с охлажденными фруктами.

— Дачжуан, угощайся!

Хуа Чжао замерла. Она была здесь сотни раз, но сейчас всё казалось таким далеким. В прошлой жизни старейшина погиб из-за демона сердца, когда она, будучи Императрицей Юйсяо, была слишком занята, чтобы навещать его. Узнав о его смерти, она была безутешна.

Глядя на старика, который воровал фрукты и ел их, спрятавшись в своем дворе, она не могла понять: что могло толкнуть такого беспечного, на первый взгляд, человека к гибели?

Хуа Чжао подошла к колодцу. Фрукты были покрыты инеем и выглядели очень аппетитно. Старейшина, заметив её взгляд, проворчал:

— Ладно-ладно, знаю, что ты не любишь такие вещи, но я уже стар, хочется чего-то простого. Не ворчи на меня...

Он поглядывал на неё, как провинившийся дед, которому внучка не разрешает лакомиться сладким. Хуа Чжао усмехнулась, вспомнив, как раньше сама постоянно читала ему нотации. Она села на край колодца, взяла виноградину и, к удивлению старейшины, съела её вместе с кожицей. Кисло-сладкий вкус наполнил рот, отражая её состояние.

— Вкусно. Этот виноград из Расы демонов? — спросила она.

— А у тебя острый язык! Да, из страны Яоси.

Старейшина, видя, что ученица не хмурится, засуетился:

— Ешь больше!

Хуа Чжао не стала отказываться. Поев, старейшина вспомнил о деле:

— Дачжуан, расскажи, что произошло в городе Чэньцзянь и с Цветочным демоном Яоби?

Для него это было важно. Хуа Чжао взяла красный плод, похожий на змеиное яблоко — в прошлой жизни она любила их, но в гареме их на всех не хватало. Она откусила сочный кусочек и, довольно прищурившись, сказала:

— На самом деле, второго брата оклеветали. Он действительно попал под влияние Миазмов Страсти, но насильно меня не удерживал — это я его соблазнила.

Старейшина Хунбо, который ожидал услышать историю о «злом демоне», едва не свалился со стула.

— Что? — его борода задрожала.

— В ту ночь, под влиянием миазмов, он затащил меня в свою комнату, — продолжала Хуа Чжао, — но ничего не сделал. Вероятно, он просто хотел, чтобы я была рядом, пока он пытается избавиться от влияния миазмов. Идея была верной, но от миазмов так просто не отделаться — это предсмертное проклятие демона Яоби.

— И что потом? — нетерпеливо спросил старейшина. — Перестань жевать!

Хуа Чжао проглотила кусок и не спеша продолжила:

— Потом я использовала Колокол Подавления Духа, чтобы ранить его, дала ему лечебную пилюлю, которая усилила действие миазмов, и поманила его пальцем. Ну, он и пришел.

Старейшина Хунбо то бледнел, то краснел.

— Это не его вина. Ученики просто поверили в то, что видели. Та заика, Цзи Ша из секты старейшины Шуйюэ, знает правду.

Старейшина вскочил, начал ходить кругами вокруг колодца, поглаживая бороду. Он никак не ожидал такого поворота — это полностью противоречило тому, что Ши Ушэ написал в своем письме.

— Но ты же говорила, что хочешь стать даосским спутником Се Фу? Как ты могла так играть чувствами второго брата?!

Хуа Чжао не испугалась его строгости и улыбнулась:

— Ой, ну, я просто передумала.

— Передумала... Разве можно так играть с чувствами?

Хуа Чжао захлопала глазами, изображая невинность. Старейшина вздохнул:

— А ты знаешь, что он написал в письме? Он взял всю вину на себя. Написал, что это он заставил тебя подчиниться, что он давно одержим тобой и не может отпустить. И просил меня запретить тебе говорить, чтобы ты не наговорила лишнего. Дачжуан, ты понимаешь, что это значит?

Хуа Чжао замерла. Она догадывалась, что Ши Ушэ что-то придумал, но не ожидала, что он готов взять на себя такой позор, лишь бы она не прослыла ветреной девицей.

Старейшина, зная её с детства, посмотрел ей прямо в глаза:

— Скажи честно, ты правда любишь второго брата?

Хуа Чжао хотела отшутиться, как делала всегда, но в итоге опустилась перед ним на колени.

— Мне нравится... то, как он ко мне относится.

— Это жадность, а не любовь, — тихо сказал старейшина, в его голосе не было осуждения, лишь усталость.

Он поднял её и легонько хлопнул по голове.

— И что теперь? Ты пользуешься его добротой, а как же младший брат?

Хуа Чжао, поняв, что тему можно закрыть, снова взялась за фрукт.

— Мы расстались.

Старейшина промолчал. Видимо, у каждого своя судьба... Нужно будет попросить главу секты погадать на их будущее!

— Учитель, просто объявите правду Мастеру Зала Правосудия. Мне не важна моя репутация, — сказала Хуа Чжао.

Старейшина был в ярости:

— Как это не важна?! Ты же всегда больше всего боялась того, что о тебе скажут! А как же твой путь в мире культивации?

Хуа Чжао подумала, что её жизнь теперь связана с Сыном Небесного Пути, и она, скорее всего, проживет вечность — какая уж тут карьера. Но вслух она лишь пообещала не болтать лишнего.

Старейшина взмахнул рукавом, и Хуа Чжао оказалась за пределами его пространства. Она шла по тропинке, прижимая к груди корзинку с виноградом. Вокруг расцветали духовные растения, горы были окутаны туманом, и закатное солнце превращало всё вокруг в живую картину. Хуа Чжао улыбнулась. Она чувствовала себя невероятно легко. Ученики, встречавшиеся ей по пути, приветствовали её, и она радостно отвечала каждому.

<http://bllate.org/book/22424/2354336>